

Д. Е. ГАЛКОВСКИЙ

<Из книги «Бесконечный тупик»>

266. Примечание к с. 20 «Бесконечного тупика»

русской штунды, «рационального православия»

не получилось и получиться не могло.

Это было ясно уже по биографии Белинского

Не в том дело, что он был социалист, материалист и т. д. А в том, что он был никто, человек с психологией и взглядами провинциального журналиста, человек, который лежал на диване и читал «книжки». «А в книжках вот еще што написана». Логика его «взглядов» (Белинский в 183... году резко изменил свой взгляд на...) это логика прочтения книжек, которые случайно попадались под руку. Прочел книжку про социалистов — он социалист, прочел книжку про Гегеля — гегельянец. Часто и этого не нужно было, «ребята рассказывали» (под лук и водку). Причем чем абстрактнее была усваиваемая идея, тем чаще источником были именно ребята. Белинский открыто признавался, что у него «трещит голова» не только от книг Гегеля и Канта, но и от брошюр Герцена. Никакой логики развития. Только логика чахоточной злобы. (Говорил, сетуя на цензуру, запрещавшую нецензурные выражения: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи».)

Жутко становится, как подумаешь, что бедняга Достоевский через 20 лет после смерти неистового Виссариона все ночей не спал, бесился, кричал, доказывал, опровергал. А спорить не нужно было. С людьми такого уровня не спорят.

268. Примечание к № 266

*бедняга Достоевский через 20 лет
после смерти неистового Виссариона
все ночей не спал, бесился, кричал,
доказывал, опровергал*

Причем кричал, предварительно закрыв все двери и окна, спустив шторы и погасив свечи. В условиях беспощадной масонской цензуры печатно Федор Михайлович вынужден был сдабривать свои высказывания кисло-сладкими комплиментами (кстати, первый вариант его воспоминаний о Белинском вообще «затерялся»). И лишь в сугубо личных письмах к Страхову достаточно ясно прорывалось подлинное отношение к великому критику:

«Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще, цените) именно был немошен и бессилён талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда... это было самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни. Одно извинение — в неизбежности этого явления. И уверяю Вас, что Белинский помирился бы теперь на такой мысли: “А ведь это (террор, и установление тирании.— О.) оттого не удалось Коммуне, что она все-таки прежде всего была французская, то есть сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить, как я, по щекам свою мать (Россию)”. И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая великие явления ее (Пушкина), — чтоб окончательно сделать Россию ВАКАНТНОЮ нацией, способной стать в главе ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО дела. Иезуитизм и ложь наших передовых двигателей он принял бы со счастьем. Но вот что еще: Вы никогда его не знали, а я знал и видел и теперь осмыслил вполне. Этот человек ругал мне Христа по-матерну, а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нем и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а главное, самолюбия. Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо него, неужели себя, тогда как мы так гадки. Нет, он никогда не задумался над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это уже была личная, смрадная, позорная тупость».

И все же, как ни ругал Белинский Христа, уйти от него он не смог. Ходил кругами вокруг и проклинал. И как ни ругал Достоевский Белинского...

756. Примечание к № 750

Есть люди

*Даже через 40 лет с дрожью в голосе
Достоевский вспоминал, как его взяли
в работу Некрасов и Григорович
после робкого литературного дебюта
(еще приватного, в форме рукописей):*

«чувство было дорого, помню ясно: “У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах хорошо!”»

И потом, после триумфа в гостях у Белинского, окрыленный 24-летний молодой человек остановился на улице и кружилась, кружилась голова: «“И неужели вправду я так велик”, — стыдливо думал я про себя в каком-то робком восторге... “О, я буду достойным этих похвал, и какие люди, какие люди! Вот где люди! Я заслужу, постараюсь стать таким же прекрасным, как и они, пребуду “верен”! О, как я легкомыслен, и если бы Белинский только узнал, какие во мне есть дрянные, постыдные вещи! А все говорят: что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочем, этих людей только и есть в России, они одни, но у них одних истина, а истина, добро, правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим; о, к ним, с ними!”» В сущности, Достоевский так до конца и не понял, что с ним сделали (и слава Богу). Как могло получиться, что ему инкриминировали на следствии чтение и распространение письма Белинского к Гоголю, если Достоевский был с этим письмом самым решительным образом не согласен и расходился с его автором по всем пунктам? Как могло получиться, что Достоевскому инкриминировали фурьеризм, если он фурьеристов считал в лучшем случае комическими чудаками? Вопросы далеко не праздные. По всей видимости, Достоевского специально «заложили», а все дело петрашевцев фальсифицировали, чтобы хоть как-то симулировать антиреволюционную деятельность полиции, подлинная функция которой заключалась как раз в насаждении революционного движения под руководством масонской верхушки. Делом Петрашевского прикрывали более серьезную и важную сеть кружков и подпольных групп, а делом Достоевского прикрывали, в свою очередь, дело Петрашевского. Достоевского превратили в центральную фигуру петрашевцев. Его уже тогда громкое имя, а также личное благородство, не позволяющее оговаривать товарищей и слишком усиленно доказывать свою фактическую невиновность, сделали Достоевского отличным зицпредседателем.

Вторым номером шел психически ненормальный «панк» Петрашевский (кстати, прототип Петра Верховенского), а наиболее значительная фигура среди петрашевцев — Николай Спешнев, имеющий опыт революционной деятельности за границей, — оказался в итоге следствия на вторых ролях. Более того, его дело вообще «исчезло» из архива.

Повторяю, слава Богу, что Достоевский был слишком благороден и наивен и не вгляделся попристальнее в произошедшее с ним несчастье. (Хотя психологию белинских и петрашевских он все же уяснил себе вполне.)

780. Примечание к № 716

*«энциклопедический ум Чернышевского»,
«гениальные прозрения Белинского»*

Речь шла действительно о культе. В 1898 году отмечалось 50-летие со дня смерти Белинского. Казалось бы, дата второстепенная. Однако к знаменательному событию вышло 20 книг (!), посвященных Белинскому. В этом году было 12 ИЗДАНИЙ его произведений и писем. В газетах и журналах опубликовали 491 статью о его жизни и творчестве. Прошла выставка, посвященная памяти Белинского, а после выставки был издан соответствующий альбом со 114 снимками с разных портретов, гравюр, картин и рукописей. Современник Белинского и литературный критик, уж во всяком случае не меньшего калибра, Иван Васильевич Киреевский, о таком чествовании и подумать не мог. В великой Масонии это было еще более невозможно, чем потом в великой Совдепии.

Наивно ошибается тот, кто считает предреволюционные годы расцветом культуры, серебряным веком. Те люди, которые сейчас выглядят столпами русской цивилизации, на самом деле образовывали узкий слой, весьма опосредованно связанный с основной массой читающей публики. В России не было «среднего читателя». Был узкий слой квалифицированных людей, потом широкий слой читателей революционных брошюр, порнографии и телефонных справочников, а ниже ворочалась полуграмотная рабоче-крестьянская масса, как бы самой судьбой предназначенная для примитивных идеологических манипуляций. В таких условиях книги Блока, Мережковского или Розанова получали популярность лишь постольку, поскольку содержали в себе элементы, понятные или полезные (т.е. сочтенные таковыми еврейским печатным синдикатом) второму слою. Например, настоящий успех

к Розанову пришел тогда, когда его «Уединенное» было осуждено за порнографию.

В «Вехах» было гордо заявлено, что подавляющее большинство русских философов придерживалось явно идеалистического направления и лишь несколько второстепенных имен, да и то часто с натяжкой, можно отнести к материалистам. Истина эта затем на протяжении десятилетий с удовольствием повторялась эмигрантскими историками русской философии. Хотя можно было бы и задуматься: если выслали их за границу, если такой успех после Октября у Чернышевских и Писаревых, то ведь не на пустом же месте. Ведь так не бывает, чтобы в один день, по мановению волшебной палочки. Конечно, нужно быть западным человеком или уж совсем негодяем, чтобы утверждать, что Советская власть — это лишь модификация царизма. Переворот полнейший, абсолютнейший. Революция, ничего общего. Но, повторяю, ведь не на пустом месте же, не на пустом. Не было ли все предопределено гораздо ранее в сфере наиболее динамичной, забегающей вперед, в сфере духовной, сфере духовно-материальной, количественно духовной — просто в тиражах книг, в разделе книжного рынка. По-моему, только так и могло быть. Пусть и 5–6 имен, пусть это лишь какие-то сучки-задоринки на древе отечественной мысли, но ими-то все и завалено, ими-то все в количественном отношении и задавлено. А качество в культуре определяет лишь будущее, часто далекое. Настоящее же, ближнее, определяет вал. 1898 год. Белинский — 491 статья, Киреевский — 3. Все. Достаточно. Для ближайших 20 лет неважно, что три эти статьи написали, например, Розанов, Соловьев и Толстой, а 90 % статей о Белинском написаны провинциальными щелкоперами; неважно, что 100 % статей о Киреевском написаны искренне, а о Белинском 90 % фальшиво или равнодушно.

817. Примечание к № 756

Психологию белинских и петрашевских он все же уяснил себе вполне

Достоевский писал: «Это мошенники очень хитрые и изучившие именно великодушную сторону души человеческой, всего чаще юной души, чтобы играть на ней, как на музыкальном инструменте».

